

ЗАПОВЕДНИКИ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПАРКИ ЮГА РОССИИ:

реальная охрана природы или фарс?

Многие российские издания перепечатали результаты опроса общественного мнения, проведенного в Канаде около 10 лет назад. Респондентов просили назвать наиболее значимые национальные символы. Большинство из них назвали государственный герб, гимн и ... национальные парки.

Можно ли представить, что жители России распределят национальные приоритеты подобным образом?

Вопрос риторический. Ответ на него явствует из стихийно сложившегося отношения к природным территориям. В том числе – к особо охраняемым. Как наши соотечественники отдыхают «на природе» и что оставляют после «отдыха» – хорошо известно. Груды пластиковых и стеклянных бутылок, полиэтиленовых пакетов, консервных банок украшают самые уютные уголки «дикой» природы.

Отношение к обитателям лесов и полей также очень предсказуемо. Большинство людей, постоянно бывающих в природе, воспринимают крупных зверей лишь как потенциальные куски дармового мяса.

Примеров тому – множество.

Года два назад в одном из восточных районов Ростовской области появился молодой лось. Что привело зверя в степные места, где древесная растительность представлена лишь чахлыми лесополосами, неизвестно. Зато хорошо известно, как отнеслись к его появлению люди. Животное вызвало ажиотаж среди местного населения. Догнать лося пытались и пешком, и на тракторах. В результате перепуганное животное увязло в илистом дне высыхающего пруда. Подоспевшие сотрудники заповедника преградили дорогу преследователям и, погрузив обес-

силенного лося в кузов, повезли в ветеринарную клинику. Живым довести его не удалось.

В недавно организованном заповеднике на Черноморском побережье браконьеры убивают оленей. Причем используется очень «практичный» метод. Зверю перебивают выстрелами ноги. Искалеченный олень ползет вниз, пока не выберется на одну из дорог, опоясывающих склоны. Тут его можно легко добить и погрузить в кузов машины. Фотографии результатов такого варварского способа добычи мне показывали инспектора заповедника.

Пожалуй, нет в России лесного массива, населенного дикими копытными, в котором не было бы браконьерства. Только постоянные усилия штата инспекторов или егерей, с оружием в руках вступающих на пути браконьеров, позволяют сохраниться диким животным.

Насколько это так, я могу судить по собственному жизненному опыту. За более чем тридцатилетнюю работу в разных заповедниках Юга России мне не раз приходилось находить остатки браконьерских охот, задерживать

нарушителей, отбирать разного рода оружие – от пневматической винтовки до автомата Калашникова. С уверенностью скажу: ничего романтического в такой работе нет. Есть горечь, смертельный риск и ощущение безысходности.

Последнее чувство было особенно сильно в 90-е годы прошлого века. Ослабление охраны, вызванное практически полным отсут-

ствием финансирования, привело к взрывному росту браконьерства. Даже вольные популяции зубров в заповедниках оказались на грани уничтожения.

Один из опытных браконьеров, в описываемое время работавший инспектором в Кавказском заповеднике, с усмешкой говорил после застолья, что не видит разницы, стрелять медведя-самца или

медведицу, у которой есть медвежата. Главное – получить деньги за шкуру, жир и желчь.

Примеры можно приводить бесконечно. Все они свидетельствуют о явном отсутствии трепетного отношения к объектам особой охраны в заповедниках и национальных парках со стороны «простого» местного населения. И не только местного. В Дагестане в начале 2000 годов мне с сотрудником академического института пришлось наблюдать маневры браконьерских джипов, на которых приехали «охотники» за внесенными в Красную книгу безоаровыми козлами. Издалека ехали и за дагестанскими турами.

Вряд ли можно надеяться на серьезное отношение к запретам на использование природных ресурсов и со стороны лиц, наделенных властью. Широко известны вертолетные охоты «больших людей» в горах Западного Кавказа.

Как-то мне пришлось убеждать первого секретаря райкома в Северной Осетии (тогда еще – не Алании) в необходимости придания заповедного статуса 500 га лугов, на которых

летом паслись чистокровные зубры. Один из совхозов загнал тогда на эти пастбища лошадей. Выслушав с серьезным лицом мои аргументы, местный «князек» рассмеялся: «Красная книга!» Потом, мгновенно снова став серьезным, сказал: «Лошади – это колбаса. Это – решение продовольственной программы. Пасите своих зубров в другом месте! Мнение района – ни гектара совхозной земли заповеднику».

Позже вопрос о передаче земель заповеднику был решен. Но в тот раз стоявшие за спиной «Первого» партийные чины районного масштаба с готовностью хихикали и понимающе качали головами: надо же с такой глупостью лезть к Самому!

Широко известны многочисленные нарушения природоохранного законодательства, допущенные в ходе олимпийского строительства. Дачи высших руководителей края и церковных иерархов в причерноморских лесах, дороги среди реликтовых лесов, выкорчеванные «краснокнижные» самшиты и можжевельники...

Активисты экологического движения вдруг становятся нарушителями закона. Якобы нападают на охранников этих самых дач, за что разыскиваются для предъявления обвинений. Комитеты по охране природы с готовностью согласовывают самые нелепые инициативы по вырубке тысяч деревьев. Более двух лет биосферный заповедник не может добиться отмены разрешения на спортивную охоту в охранной зоне, которая к тому же является водно-болотным угодьем международного значения, охраняемым Рамсарской конвенцией.

Приведенная картина, к сожалению, отражает лишь некоторые фрагменты отношения к делу сохранения природных ресурсов, как рядовых «членов общества», так и его руководителей разных уровней. На этом фоне «шум» экологического просвещения выглядит как-то неубедительно. Просвещать принято школьников, студентов, горожан. Сельские жители, непосредственно связанные с природой и

ее обитателями, часто остаются за бортом. А если и слушают лекции или беседы, то со скрытой усмешкой знающих настоящее положение дел людей.

Двойная мораль, пустившая ветвистые корни в нашем обществе, особенно явно ощущается именно в природоохранных делах. С одной стороны, почти в каждом субъекте федерации Юга России создан заповедник или национальный парк. С другой – не найти ни одной особо охраняемой природной территории,

у которой не было бы серьезных проблем с охраной и соблюдением установленного государством режима.

На одном из совещаний в далекие теперь 80-е годы опытный юрист рассказывал о положении дел в правовой охране заповедников. Он поведал об имевшей место «тенденции декриминализации». «Сколько людей может сидеть в тюрьме в обществе развитого социализма? Тюрьмы переполнены. Вот и принято решение уголовные

преступления, не имеющие особой социальной опасности, перекалфицировать в административные нарушения. Под это, прежде всего, попадают нарушения природоохранного законодательства».

В конце 90-х, исполняя обязанности директора в одном из заповедников Кавказа, я передал боевую винтовку, изъятую у известного среди местного населения браконьера, в районное отделение милиции. Туда же был доставлен и сам браконьер, задержанный инспектором с оружием на заповедной территории. Через несколько дней, придя в отделение, я спросил у его начальника, как идет дело о браконьерстве. Открыто глядя мне в глаза, милицкий начальник удивленно спросил: «Какое дело? Человек гулял в горах, случайно нашел винтовку и нес ее сдавать в милицию. А тут ваши егеря на него напали...» Вот такая декриминализация.

Заповедная система нашей страны непрерывно переживает трудные времена. Издаются яркие альбомы, изображающие красоты дикой природы, уникальные пейзажи, умильные мордочки зверей, птиц, насекомых. Заповедники считаются природоохранными, научно-исследовательскими и эколого-просветительскими учреждениями. В то же время постоянная смена подчиненности, недостаточная правовая база, дефицит финансирования делают выполнение возложенных на них задач все более трудновыполнимым.

С давних пор заповедное дело в нашей стране финансируется по остаточному принципу. Справедливости ради нужно сказать, что в последние годы ситуация в этом отношении несколько улучшилась. Стало возможным приобретать компьютерную технику, фотоаппаратуру, научное оборудование. Но главное – отношение к заповедному делу как к чему-то неважному, второстепенному остается нормой практически во всех слоях общества.

Как-то, возвращаясь из столицы после научной конференции, я оказался в купе поезда с современной хорошо одетой и явно успешной деловой женщиной. После знакомства разговор пошел о жизни. Моя попутчица занималась каким-то бизнесом. Услышав, чем занимаюсь я, она была буквально ошеломлена. «Неужели этим еще кто-то занимается?» – с искренним удивлением спросила она.

Не случайно для неприспособленных к современной жизни людей в последние годы употребляется термин «ботан». Это – символ оторванности от реальности, жизни в иллюзорном мире. В заповедниках Юга России пока еще работают такие «ботаны», искренне преданные делу охраны и изучения дикой природы. Однако современная молодежь не спешит пополнить ряды научных сотрудников заповедников. Замечено, что научные отделы «стареют». В основном в них дорабатывают люди предпенсионного возраста, связавшие жизнь с заповедным делом много лет назад.

Что в этой ситуации первично: материальное состояние заповедного дела или восприятие его как чего-то несерьезного? Много лет меня не покидает чувство, что в нашей стране территориальная охрана природы – не дело

государственной важности, а игра, имитация. С одной стороны, закрыть бы все эти заповедники и национальные парки, мешающие зарабатывать на природе серьезные деньги, но с другой – не прилично. Нужно имитировать заботу о среде обитания, делать вид, что высшее руководство озабочено сохранением ее для «детей и внуков».

Думаю, что первично в этом случае сознание. Пока не будет действительного понимания во всех слоях общества того простого факта, что дикая природа является не только источником материальных благ, но и, возможно, в большей степени, необходимым условием самоидентификации, чувства собственных корней, никакое экологическое просвещение не даст результатов.

Да и есть ли оно – экологическое просвещение в полном смысле этого слова? Во многих ли городах имеются музеи природы? Даже в столице Юга России Ростове-на-Дону такого музея нет. Отделы природы краеведческих музеев, как правило, сохраняют пыльные чучела, изготовленные десятки лет назад. Научная точность экспозиции оставляет желать лучшего. Побывав во многих таких музеях, я убедился, что квалифицированного штата сотрудников-природоведов там чаще всего нет. Экспозиции

далеки от современных представлений о музейном деле. Этикетаж часто просто безграмотный.

Если у руководителей регионального уровня действительно есть желание изменить ситуацию, необходимо произвести «музейную революцию». И в первую очередь это касается финансирования. Современная экологическая экспозиция стоит дорого. Есть в нашей стране настоящие мастера таксидермии, не раз становившиеся победителями чемпионатов европейского и мирового уровня.

Чтобы дело охраны природы перестало быть имитацией, необходима программа, затрагивающая все стороны этого сложного комплекса. Выступая перед учениками школ, я не раз убеждался в том, что дети лучше знают экологические проблемы дождевых тропических лесов или арктических морей, чем природу своего края. Это и не удивительно. Наше телевидение заполнено прекрасными фильмами о жизни далеких стран. Но найти достойный фильм о природе Кавказа – проблема. Если такие фильмы и есть, то опять-таки импортного производства.

В Ростовском заповеднике мне не раз приходилось сопровождать немецкие съемочные группы, хорошо оснащенные, с заранее, до мелочей продуманным сценарием. Известный немецкий режиссер Фриц Пляйтген в течение двух лет снимал двухсерийный фильм «Дон-батюшка». Фильм получился интереснейший, но – на немецком языке. Подобного фильма отечественного производства нет. Как нет достойных фильмов о природе бассейна Терека, Кубани, высоких горных массивов Кавказа, Азовском море...

Думаю, что все сказанное объясняет, почему наши соотечественники не видят в сохраняемой дикой природе приоритетного национального символа.

Нужно сказать, что сохранять нашим заповедникам и национальным паркам есть что. Фрагменты целинных степей, озера с островами, на которых гнездятся десятки тысяч птиц, в том числе редких, внесенных в Красные книги. Величественные горные массивы Кавказа с ледниками, моренными грядами, чистейшими реками и озерами, зарослями рододендронов, субальпийскими лугами и лесами. Сухие склоны с

можжевельными лесами на побережье Черного моря. Полупустыни со стадами сайгаков, стаями стрелетов и журавлей. Все эти красивейшие ландшафты населены богатейшим животным миром.

Еще одна сторона сохраняемых в заповедниках ценностей – памятники предшествующего природопользования. Это – древние земледельческие террасы в горах, скотопрогонные тропы, остатки постоянных и временных поселений, археологические памятники. Только в последние годы стало приходить понимание великой ценности этого исторического наследия, сохраняемого заповедниками и национальными парками.

Все это сказочное богатство, доставшееся нам от предыдущих поколений, заслуживает самой бережной охраны и вполне способно конкурировать по ценности и притягательности для людей со знаменитыми заповедными территориями Америки, Африки, зарубежной Азии.

Нужно лишь четко осознавать, что для сохранения этого богатства давно пора перейти от имитации к реальной и действенной охране.

АЛЕКСАНДР ЛИПКОВИЧ

